
ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

*

СЛЕД НА СНЕГУ

* *
*

...только тем и спасёшь эту речь,
что пустыми белками царапая
и ничто получая в ответ,
видишь всеми своими а р а п а м и
ослепительно солнечный свет

* *
*

что хочет человек и что он ждёт,
когда внутри него уже не жжёт,
а звякает негромко, равномерно
как пряжка на моем ремне, наверно,
— что видит он, когда он видит дом
над лесом и рекой, окно, и в нем
себя, рукой дрожащей чашку чая
сжимавшего, затем что жизнь такая,
что вот она — а завтра её нет,
потом он выключает в доме свет,
и дерево придвинулось вплотную—
затем что жизнь отверстие в иную,
где тот же снег висит на волоске
тобой еще не тронутой тоске

урок истории

в пустом школьном классе ЛЕНИН и Я
через открытое окно доносятся крики разъяренной толпы

Я — думаю, вам лучше бежать
ЛЕНИН — это невозможно, меня узнают

Я снимает пальто и протягивает ЛЕНИНУ

Я — помогаю вам только потому что вы муж моей сестры

ЛЕНИН надевает пальто и бросается к выходу, но поздно —
в дверях появляются матросы во главе с ТРОЦКИМ

ТРОЦКИЙ — хватай, на штыки его!

матросы волокут ЛЕНИНА к окну

Я — верните моё пальто!

*матросы выбрасывают ЛЕНИНА из окна
звенит школьный звонок
начинается урок истории*

* *
*

диоген — кратету

если хочешь, кратет, ты философом стать настоящим,
не гнушайся у статуй с агоры просить подаянье
испытание это, клянусь тебе, будет уроком —
люди ведь часто бывают бесчувственной статуей,
бросят монету, в ком душу родную увидят
— евнуху, а не философу подадут, и кинеду

если фиги сушеные есть, присылай мне

кратет — неизвестному

пишешь, дескать, позорно быть погребенным
вдали от земли своих предков—
но сам подумай, сожгут ли
в фивах тебя на костре погребальном
или тело собаки сожрут на чужбине
— разве лодка харона только из фив в аид перевозит?

хлеба и фиги пришли мне, много не медля

неизвестный—кратету

диоген говорил, мудрецу помогая, ты жертвуешь
тем, кто с олимпа, ведь боги друзья с мудрецами
ныне, однако, мне нечего выслать кратету,
где придется живу я и тем, что в котомке, питаюсь
и давно вместо женщин рукой обхожусь волопаса —

кем я стал, если сплю, что ни ночь, на соломе?

кратет-неизвестному

ты стал философ

* *
*

препраздного ума мятущаяся втуне
железная блоха, которую не в туле
подковывал какой-нибудь левша
предерзостный, а там же, где душа —
теперь снимай пудовые коньки
куда глаза глядят — давай, беги
— гуляй, пока свободна и бедна
отныне на тебе нет ни пятна

* *
*

среди зимы, ее горящих статуй,
на холод не ропщи, за жар не ратуй —
пусть времени воронка тишину
толчет — ребенка и жену
хватай, сажай их на осла,
оставь добро, так будет меньше зла,
и прорубь года, в стужу его дней —
чем меньше звезд, тем в темноте видней
одну, среди миров тобой зачатых
— живой души хотя бы отпечаток
хотя бы след как этот на снегу

ПСКОВ

блаженный фёдор и юродивый андрей
на свалке ржавых пару батарей
нашли и вниз к реке тащили
впрягшись в коляску детскую в четыре
копыта, в кеды рваные обутых
по красных партизан к фоме в запрудах
— теперь, сказал блаженный, заживем
в тепле, накроем стол, за стол сзовем
timoшку одноглазого и лавра
и мавру-бабу, хоть она и лярва —
пусть лишнего возьмет на грудь фома
нам не страшна голубушка-зима
(это говорил юродивому блаженный)
— а тот молчал, он был глухой по ходу
потом они спустили груз на воду
и вниз на батареях отошли
воды речной не трогая почти
андрей смотрел вперед,
другой был сзади —

коляску без колес они не взяли

* *
*

памяти Виталика Науменко

твой первый последний осенний снежок
не почерк уже, но короткий стежок,
сшивающий черное с белым —
потом он становится беглым
как этот асфальт, исчезающий под
побелкой с таких раскаленных высот
— но мальчик уходит простужен
никто ему больше не нужен

